

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1152–1166, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 322

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1152-1166

Влияние изменения вектора государственно-конфессиональной политики СССР на положение религиозных общин в Туве в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

Петр Константинович Дашковский¹, Айлаана Витальевна Монгуш^{2,3}

¹ Алтайский государственный университет (д. 61, пр. Ленина, 656049 Барнаул, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой, заведующий лабораторией

 0000-0002-4933-8809. E-mail: [dashkovskiy\[at\]fpn.asu.ru](mailto:dashkovskiy[at]fpn.asu.ru)

² Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (д. 4, ул. Кочетова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
научный сотрудник

³ Алтайский государственный университет (д. 61, пр. Ленина, 656049 Барнаул, Российская Федерация)
лаборант

 0000-0002-3164-1463. E-mail: [aylaana.vitalyevna\[at\]mail.ru](mailto:aylaana.vitalyevna[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Дашковский П. К., Монгуш А. В., 2023

Аннотация. *Введение.* Наметившийся с 1943 г. поворот государства в сторону относительной либерализации религиозной жизни и смягчения позиции в отношении свободы вероисповедания к концу 1940-х гг. сменился новой тенденцией в конфессиональной политике. Новый вектор был связан с усилением государственного контроля за деятельностью религиозных общин и введением сдерживающих механизмов, которые были направлены на снижение религиозности населения, на ограничение возможности получения официальной регистрации, на усиление налогообложения священнослужителей, на активизацию атеистической работы и т. д. *Цель статьи* — исследование положения религиозных общин в Туве в контексте государственно-конфессиональной политики СССР в конце 1940-х – начале 1950-х гг. *Материалы и методы.* Источниковой базой исследования послужили документы из фонда Государственного архива Российской Федерации. Исследование проводилось с помощью ретроспективного, сравнительно-исторического и проблемно-хронологического методов. *Результаты.* С конца 1940-х гг. религиозным общинам Тувы пришлось находиться под жестким контролем с принятием по отношению к ним ограничительных мер. Установлено, что специфика в связи с послевоенной государственно-конфессиональной политикой СССР в Тувинской автономной

области состоит в том, что на протяжении всего рассматриваемого периода не православным религиозным направлениям пришлось существовать в нелегальном положении и вести незаконную деятельность, независимо от ее смягчения или ужесточения. Местные органы власти и уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР в регионе под разными причинами не способствовали их юридическому оформлению. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в связи с усилением ограничительных мер, а именно тяжелого налогообложения, подрываются прежние масштабы активной деятельности буддийской общины. Кроме того, в области евангельским христианам-баптистам не удалось открыть ранее закрытый их молитвенный дом в г. Кызыле, а старообрядцы белокриницкого согласия аналогично не смогли решить вопрос с молитвенным зданием в пос. Медведевке в Каа-Хемском районе Тувинской автономной области.

Ключевые слова: СССР, государственно-конфессиональная политика, Тувинская автономная область, религиозные общины, буддизм, православие, протестантизм, старообрядчество

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (№ 23-18-00117, <https://rscf.ru/project/23-18-00117/>).

Для цитирования: Дашковский П. К., Монгуш А. В. Влияние изменения вектора государственно-конфессиональной политики СССР на положение религиозных общин в Туве в конце 1940-х – начале 1950-х гг. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 5. С. 1152–1166. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1152-1166

Tuva's Religious Communities and the Change in Official Soviet Religious Policy: Late 1940s – Early 1950s

Petr K. Dashkovskiy¹, Aylaana V. Mongush^{2,3}

¹ Altai State University (61, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department, Head of Laboratory

 0000-0002-4933-8809. E-mail: dashkovskiy[at]fpn.asu.ru

² Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research (4, Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Research Associate

³ Altai State University (61, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russian Federation)

MA Student, Laboratory Assistant

 0000-0002-3164-1463. E-mail: aylaana.vitalyevna[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Dashkovskiy P. K., Mongush A. V., 2023

Abstract. Introduction. The government's turn toward relative liberalization of religious life and somewhat moderated positions on religious freedom witnessed since 1943 were replaced by a new trend in the late 1940s. The new vector implied an increased state control over activities of religious communities, and would introduce a variety of deterrent mechanisms aimed at reducing religiosity, limiting possibilities for official registration, increasing taxation of clergy, intensifying atheistic propaganda, etc. **Goals.** The article attempts an insight into the situation resulting from the Soviet religious policy of the late 1940s / early 1950s — and faced by Tuva's religious communities. **Materials and methods.** The study focuses on documents housed at the State Archive of Russia. The employed research methods include the retrospective, comparative historical, and chronological ones. **Results.** Since the late 1940s, religious communities of Tuva came under strict control and limitations. The paper reveals the actual Soviet post-war religious policy in Tuvan Autonomous Oblast was specifically characterized by that only Russian Orthodox Christians would enjoy somewhat relatively official status and activities, while other faiths and their groups remained as illegal regardless of

the central government's proclaimed agenda and changing sentiments. Local authorities and the Commissioner of the Soviet Council for Religious Cults in the region would turn to various excuses to avoid any legal registration of such communities. In the late 1940s and early 1950s, the intensified restrictive measures (heavy taxation) finally undermined the once intensive activities of Buddhists. Furthermore, Evangelical Baptist Christians failed to reopen their prayer house in Kyzyl, while Old Believers of Belokrinitskaya Hierarchy never resolved the issue of a prayer building in Medvedevka (Kaa-Khemsy District).

Keywords: USSR, official religious policy, Tuvan Autonomous Oblast, religious communities, Buddhism, Eastern Orthodox Christianity, Protestantism, Old Believers

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, grant no. 23-18-00117 'Impacts of the Russian Empire's Acculturation Policies and the Soviet Government-Church Relations Agenda on Religious Communities in Border Regions and Ethnic Autonomies of Asiatic Russia'.

For citation: Dashkovskiy P. K., Mongush A. V. Tuva's Religious Communities and the Change in Official Soviet Religious Policy: Late 1940s – Early 1950s. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1152–1166. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1152-1166

1. Введение

В современной исторической науке особое внимание уделяется советскому периоду истории. Значительный интерес у исследователей вызывает период социально-экономических преобразований, проходивших в стране после окончания Великой Отечественной войны. Среди актуальных научных тем важное место занимает проблематика, связанная с историей государственно-конфессиональных отношений, которые на протяжении советского периода претерпевали определенные изменения: от воинствующего атеизма и репрессий к государственному контролю и научному обоснованию картины мира с последующим провозглашением принципов свободы совести накануне распада Советского Союза. При этом именно Великая Отечественная война послужила во многом поворотным пунктом в формировании новой тенденции в развитии государственно-конфессиональных отношений в СССР, связанной с формированием принципов определенного диалога и взаимодействия религиозных объединений и институтов государственной власти. В 1943–1945 гг. в стране был пересмотрен ее курс и принят ряд постановлений СНК СССР, касающихся различных сторон религиозной жизни, как, например, «О порядке открытия церквей» (ноябрь 1943 г.), «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов»

(ноябрь 1944 г.), «О православных церквях и молитвенных домах» (декабрь 1944 г.), «По вопросам, относящимся к православным церквям и монастырям» (август 1945 г.), «О предоставлении религиозным общинам права юридического лица в части аренды, строительства и покупки в собственность домов, строений, транспорта и утвари» (август 1945 г.) и др. [Горбатов 2008: 115; Дашковский, Зиберт 2020: 65]. Позитивные изменения в государственно-конфессиональных отношениях связаны с патриотической позицией Русской православной церкви и других религиозных объединений страны в период Великой Отечественной войны. Религиозные общины, в том числе на оккупированных территориях, не только молились о победе Красной армии над немецко-фашистскими войсками, но и сами активно помогали сбором средств, содействием партизанским формированиям. Кроме того, лидеры религиозных общин призывали население страны помогать фронту, тылу, партизанским отрядам, раненым на войне, сиротам и семьям погибших солдат [Горбатов 2008; Сеницын 2013; Одинцов, Кочетова 2014; Колесов].

Религиозную политику СССР и результаты ее влияния на религиозные общины в стране в целом и отдельно по регионам рассматривали различные специалисты [Шкаровский 2009; Одинцов, Кочетова 2014; Со-

сковец 2003; Горбатов 2008; Дашковский, Зиберт 2020; и др.]. При этом положение религиозных общин в Туве в контексте развития советской государственно-конфессиональной политики остается одной из наименее изученных научных проблем, хотя отдельные аспекты этой темы затрагивались некоторыми исследователями — О. М. Хомушку [Хомушку 1988], М. В. Монгуш [Монгуш 2001], У. П. Опей-оол [Опей-оол 2007]. В то же время многие аспекты правового, социально-экономического положения конфессий и особенности государственно-регулирующего религиозных процессов в регионе остаются неизученными. Целью настоящей статьи является освещение результатов исследования положения религиозных общин в Туве в контексте государственно-конфессиональной политики СССР в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые документы рассматриваемого периода и архивные материалы из фонда «Совет по делам религий при Совете Министров СССР» Государственного архива Российской Федерации. Важно отметить, что многие архивные материалы вводятся впервые в научный оборот.

Применение принципов историзма и системности позволило установить особенности взаимоотношений религиозных общин Тувы и региональных и центральных органов государственной власти. Руководствуясь принципом объективности, удалось представить взвешенный подход для характеристики становления институтов советской государственно-конфессиональной системы после войны.

3. Формирование новых принципов государственно-конфессиональных отношений в СССР в середине 1940-х гг.

В послевоенное время на мировой арене СССР демонстрировал свое лояльное отношение к религии для решения своих политических нужд. Во всяком случае внутри государства прекратились открытые преследования верующих и репрессии в отношении священнослужителей, что наблюдалось в 1930-е гг. Исторически традиционной религией России являлось православие и, безусловно, на тот момент советскому руковод-

ству пришлось учитывать мнение ее многочисленных последователей, несмотря на его недавний опыт их притеснения и репрессий наряду с другими верующими. Конфессиональные образования СССР исторически имели связи с зарубежными странами, в том числе у некоторых из них находились единые заграничные духовные центры [Синицын 2013: 74]. Советское государство, как известно, активно использовало религиозные организации в своей внутренней и внешней политике. В условиях военного времени религиозные общины выражали патриотическую позицию, а советские чиновники, учитывая состояние международных отношений, понимали возможность использования их, например, внутри страны для военной и трудовой мобилизации народов Советского Союза [Синицын 2012]. Кроме того, существовал ряд причин, способствовавших новому курсу во внешней политике, часть из которых, связанных с религией, рассматривается в данной работе. Еще в период Великой Отечественной войны на захваченных немецкими войсками землях оказалось, что православных церквей действует в несколько раз больше, чем на подвластных СССР территориях. Фашисты на оккупированных территориях открывали приходы и от настоятелей православных церквей требовали во время службы «выражать лояльность к Гитлеру и Третьему рейху, одновременно с этим проводя специальные молебны за победу германской армии и «спасение родины» от большевиков» [Дашковский, Зиберт 2020: 64]. Безусловно, в этих регионах требовалась нейтрализация влияния фашистской пропаганды [Шкаровский 2009: 10]. Советский Союз стремился обеспечить Русскую православную церковь правами управления над русскими заграничными православными приходами, поддержать христианские общины в восточно-европейских странах с демократическим режимом, утвердить первенство православного религиозного института над католической во всем христианском мире [Синицын 2012; Дашковский, Зиберт 2020: 67; Шкаровский 2009: 1]. Следует отметить, что Московская Патриархия рассматривалась партийными и государственными деятелями как инструмент привлечения внимания мировой общественности к инициативам СССР и в целом приобретения союзников в процессе

противостояния социалистической политики капиталистической [Шкваровский 2009: 1, 3]. В этой связи руководство страны во главе с И. В. Сталиным решило отказаться от конфронтации с церковью, наметился определенный диалог после гонений и репрессивных мер в отношении верующих и духовенства в предшествующий период. В рамках изменения курса государственно-конфессиональной политики достаточно оперативно был восстановлен институт патриаршества в Русской Православной Церкви, а также разработана программа официального возрождения религиозной жизни в СССР [Горбатов 2008: 115; Сеницын 2013: 75]. При Совете Народных Комиссаров (15 марта 1946 г. преобразован в Совет министров) СССР (далее — СНК СССР, СМ СССР) в начале в 1943 г. был создан Совет по делам русской православной церкви, а затем в 1944 г. Совет по делам религиозных культов. Их задача состояла в осуществлении связи между советскими и религиозными организациями, а также на первых порах в выполнении одной из важных функций их учреждения — содействие духовенству в восстановлении религиозных институтов [Горбатов 2008; Одинцов, Чумаченко 2013; Сеницын 2012]. Перемены в государственно-конфессиональной политике коснулись и других религиозных учреждений страны, которые еще в период Великой Отечественной войны получили разрешение и начали создавать свои организационные структуры в военные и послевоенные годы. Так, в годы Великой Отечественной войны были образованы Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири в Уфе, Духовное управление мусульман Северного Кавказа в Буйнакске, Духовное управление мусульман Закавказья в Баку, Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана в Ташкенте [Раджабов 2019: 357–363]. Новые организационные структуры возникли и у некоторых протестантских деноминаций, в частности в 1944 г. был образован Всесоюзный совет евангельских христиан и баптистов, а также Центральное духовное управление буддистов СССР (далее — ЦДУБ) [Белякова 2019: 419–429; Терентьев 2014: 145]. Разрешаемая религиозным организациям деятельность в стране была под контролем и встречала множество противоречивых, ограничительных мер со

стороны государства. Принятые «дружественные» меры государства по отношению ко всем конфессиям способствовали в определенной степени возрождению религиозности в стране. Верующие в разных регионах начали свои действия по реализации своего конституционного права совместно исповедовать религию, подавали ходатайства на открытие и строительство религиозных культовых зданий, регистрацию религиозных общин [Конституция СССР 1936: 309].

Однако наметившийся с 1943 г. поворот государства в сторону относительной либерализации религиозной жизни и смягчения позиции в отношении свободы вероисповедания к концу 1940-х гг. сменился новой тенденцией в конфессиональной политике. Новый вектор был связан с усилением государственного контроля за деятельностью религиозных общин и введение сдерживающих механизмов, которые были направлены на снижение религиозности населения, ограничение возможности получения официальной регистрации, усиление налогообложения священнослужителей, активизацию атеистической работы и т. д.

4. Усиление государственного контроля за религиозными общинами в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

Со второй половины 1948 г. в СССР стал меняться курс религиозной политики как одно из следствий противостояния в мире социалистической и капиталистической идеологий [Горбатов 2008; Шкваровский 2009: 2]. С началом «холодной войны» религия перестала рассматриваться как фактор по укреплению имиджа СССР во внешнеполитических отношениях. Конструктивный диалог государства, установленный с Русской православной церковью и другими религиозными организациями в середине 1940-х гг., стал сменяться охлаждением позиции советской власти в области свободы совести. В результате происходит корректировка принципов государственно-конфессиональной политики, ранее проводимой в СССР в 1943–1947 гг. Это выразилось и в корректировке деятельности Совета по делам русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов при СМ СССР в сторону отказа от их посреднических и координирующих функций и под-

чинения конфессий в интересах партии и социалистического строительства в рамках существующего жесткого идеологического противостояния между научным атеизмом и религиозным мировоззрением. Еще в апреле 1948 г. Совет по делам религиозных культов при ЦК СССР направил в регионы своим уполномоченным инструкцию, где было предписано прекратить регистрацию религиозных общин, возникших до его создания. Как следствие, в регионах все чаще стали отклоняться ходатайства религиозных общин [Дашковский, Зиберт 2020: 72]. Сложившуюся в стране новую конфессиональную ситуацию достаточно хорошо оценил А. В. Горбатов, который отметил, что «тонко чувствующая настроения, превалирующая на „Старой площади“ часть партийно-советской номенклатуры на местах посчитала, что теперь „руки развязаны“ и можно приступать к старым и проверенным методам работы с религиозными организациями» [Горбатов 2008: 145–146].

В Тувинской автономной области в период с 1949 г. по 1953 г. и без того ранее строгие принципы государственно-конфессиональных отношений ужесточаются по отношению ко всем религиозным общинам, в том числе и к православным. Первые шаги Тувы по пути развития СССР были сделаны еще в период Тувинской Народной Республики. В последующем после ее интеграции в советское социокультурное и правовое пространство с полным установлением институтов власти и идеологии перед тувинским руководством встали неотложные задачи во всех сферах жизни общества, особенно, в развитии экономики, культуры, образования и медицины. Имевшиеся малочисленные кадры не могли в полной мере удовлетворить быстро возраставшие потребности молодой советской области в специалистах по всем направлениям. В условиях ускорения трансформации тувинского общества можно констатировать, что решение религиозных вопросов могло быть чем-то обременительным, поскольку важнее был процесс полного перевода тувинцев с мест кочевий в стационарные населенные пункты, развитие народного хозяйства и выполнение пятилетних планов. В период коллективизации личных хозяйств, развития колхозного движения не выгодно было бы терять часть производительных сил, привер-

женных к различным конфессиям. Не представлялось целесообразным в сложившихся к концу 1940-х – началу 1950-х гг. условиях допущение официальной регистрации и деятельности религиозных общин, которые бы отвлекали трудовые массы от общей цели подъема края и были бы помехой в ее социалистическом пути развития наряду с другими советскими регионами.

В марте 1950 г. по-прежнему не был назначен уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при ЦК СССР по Тувинской автономной области. В этой связи Совет по делам Русской православной церкви при ЦК СССР просил Тувоблисполком возложить по совместительству обязанность наблюдения за выполнением законодательства, относящегося к Русской православной церкви, на работника указанного регионального органа власти из-за неосведомленности о положении и деятельности православных общин в области [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 1]. Проблема с назначением уполномоченного указанного Совета оставалась нерешенной и в 1952 г. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 1].

Следует отметить, что ранее служители Иннокентьевской и Троицкой церквей после получения официального разрешения на ведение деятельности свободно перемещались по территории области, поскольку населенные пункты с православными верующими находились дисперсно по районам. В этой связи им приходилось по приглашению верующих обслуживать их и проводить требы на дому. Пожертвования на строительство Кызылской церкви собирались и с помощью разъездов по кожунам. Однако с 1949 г. происходит ограничение подобных поездок и деятельности религиозных деятелей со стороны региональных властей. Маршрут поездки служителя культов рассматривался и проверялся в каждом отдельном случае, а свою деятельность они могли осуществлять только в зарегистрированных общинах, которые они обслуживали [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 3; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 4]. При этом православные церкви стабильно сохраняли количество своих прихожан и даже понемногу увеличивали число верующих. Так, например, в первом полугодии 1950 г. в Туранской церкви количество верующих доходило до 230 чело-

век, а случаев крещений новорожденных — около 20. В Кызылской церкви прихожан насчитывалось 227 человек, случаев крещения детей — 39 [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 14]. Наблюдалось также значительное снижение показателей обрядов крещения, что можно объяснить действием ограничительных мер и высокой на первых порах религиозной потребностью в них у православных родителей. Если с мая 1948 г. по июль 1949 г. крестили 224 ребенка, то в 1950 г. — всего 39 детей [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 14; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 3].

В 1950 г. православные верующие из с. Бай-Хаак Тандынского кожуна подавали в облисполком заявление об открытии молеального дома для 13 человек. Однако просьбу религиозной группы не удовлетворили из-за того, что строение не соответствовало противопожарным требованиям, техническому и санитарному состоянию [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 14–15]. После получения отказа они прекратили ходатайствовать. Аналогичные отказы верующие получали и в других регионах Сибири. Так, например, годом ранее заявления на регистрацию общин отклонены в Горно-Алтайске и Бийске, Кытмановском, Змеиногорском, Топчихинском, Поспелихинском районах Алтайского края [Дашковский, Зиберт 2020: 73]. Активная деятельность в области священника Андрея Чуликова рассматривалась тувинским руководством как источник возникновения религиозных настроений православных верующих и создания официальных объединений. Уполномоченный по Тувинской автономной области Б. Тагба в Совет по делам религиозных культов при СМ СССР докладывал, что выезд православного священника в незарегистрированные общины специально рассматривался и строго контролировался властями [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 15]. В конце информационного отчета за первое полугодие 1953 г. Б. Тагба в Совет по делам религиозных культов при СМ СССР просил вызвать его в Москву с целью получения консультации, касающейся дальнейшего руководства над зарегистрированными православными обществами области [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 15–16].

Следует отметить, что с момента «охлаждения» государственно-конфессиональ-

ных отношений в информационных отчетах Тувинской автономной области отмечается, что религиозные общины до 1949 г. имели влияние на население, особенно буддийского духовенства в западных районах Тувы. По другим данным, ламы вели активную деятельность с 1947 г. по 1950 г. [Опей-оол 2007: 72]. Ограничительные меры со стороны местной власти стали вводиться после непродолжительного периода относительно лояльного отношения к религии в середине 1940-х гг. 13 августа 1948 г. настоятель молитвенной юрты Кандан-Тишкин Амыртаа Хомушку поставил перед уполномоченным Советом по делам религиозных культов при СМ СССР по Туве С. Намчак ряд вопросов о положении буддистов. Например, один из таких острых вопросов был связан со случаями, когда сельсоветы заставляли верующих отбирать обратно у лам пожертвованный ими скот. Амыртаа Хомушку также спрашивал о возможности объединить с Чаданской молитвенной юртой Аксы-Барлыкскую молитвенную юрту, поскольку в последней не было лам. Он также подчеркивал, что неправомерно работникам в районах нарушать конституционные права верующих. Амыртаа Хомушку, отвечая на запрос уполномоченного С. Намчак, указывал, что у них имеется 59 голов скота [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 5–6]. Вместе с тем в области разворачивалась атеистическая пропаганда, одним из проявлений которой являлась публикация в местных газетах статей о борьбе с ламством [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 5]. Уже в декабре 1948 г. председатель ЦДУБ Бандидо Хамбо-лама Дармаев отправил письмо на имя Дид Хамбо-ламы Хомушку с указанием, что пожертвованный населением домашний скот в количестве 69 голов ламы сдали колхозу имени Сталина Хайыраканского сельсовета Дзун-Хемчикского кожуна [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 3, 8]. Количество верующих молитвенной юрты до начала 1949 г. оставалось без изменений и составляло около 200 человек, а постоянных лам было 33 человека. По сообщению С. Намчак, в области «ламы бродили по юртам, занимались знахарством, брали скот и имущество от населения» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 2].

В июле 1949 г. заместитель молитвенной юрты, находящейся вблизи г. Чадана, Чам-

дылай Тюлюш в своей справочной информации для местных властей писал, что количество лам в молитвенных юртах Дзун-Хемчикского и Барун-Хемчикского районов сокращается из-за непосильного обложения их налогами и другими повинностями. Некоторые из уходящих лам заявляли о намерении заниматься сельским хозяйством, поскольку не могли платить налоги, находясь в молитвенной юрте [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 7]. Буддисты приобрели и поставили на новом месте избушку, но местный райисполком отобрал ее, мотивируя это тем, что они ранее ее приобрели. Обращение по этому поводу в суд и прокуратуру не дал им никаких результатов, поэтому они не смогли вернуть купленную избушку [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 8].

Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Туве по итогам за 1949 г. декларировал, что в области в последнее время в связи с организацией колхозов, перехода кочевое население на оседлый образ жизни и политической активности населения региона, буддийские духовные лица всякими причинами старались оставить свои молитвенные юрты. Вместе с тем он констатировал снижение количества постоянных верующих. Так, например, из ранее посещавших в 1949 г. 200 человек осталось около 55, в том числе 25 женщин. Из 33 лам вышли из состава молитвенной юрты 10 лам. Причины выхода лам из молитвенной юрты буддийское духовенство объясняло непосильным налогом обложением и другими повинностями, которые были больше, чем в отношении других категорий населения [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 2–3, 15–16]. На неоднократный вопрос уполномоченного о том, как поступить с незаконно существующей буддийской общиной, Совет по делам религиозных культов при СМ СССР в марте 1950 г. рекомендовал продолжить ее изучение, а в июле этого же года дал рекомендацию о роспуске общины [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 10, 17]. Кроме того, было предложено воздействовать на лам, занимающихся культовой практикой, с помощью экономических мер путем налогообложения [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 17]. Уполномоченному Совету по делам религиозных культов при СМ СССР по Туве была также дана рекомендация, чтобы в своей практической работе по вопросам религиоз-

ных общин он контактировал с верующими, а не служителями культа, которые действуют «искусственно в своих личных корыстных целях» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 10]. В 1950 г. Дид Хамбо-лама по Тувинской автономной области отправлял заявление Амыртаа Хомушку в Бурят-Монгольскую АССР, чтобы ЦДУБ дало разъяснение по ряду вопросов, в том числе о снятии обременительных взносов в целом и в частности об уплате взноса, сданного в колхоз по их указанию. Его также интересовал созыв второго всебуддийского съезда лам [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 13–14]. Буддийская община Аксы-Барлыка Барун-Хемчикского района слилась с буддистами местности Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского кожуна [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 21]. В информационных отчетах государственные служащие увязывали ухудшение положения лам с уменьшением количества верующих и соответственно получаемого от них дохода, отмечая, что они сами покидают юрты и занимаются сельским хозяйством [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 15]. В то же время в молитвенной юрте, по официальным данным за первое полугодие 1951 г., количество верующих посетителей дошло до 131 человека. При этом ее деятельность уже охватывала 7 районов, включая ранее не указанные Чаа-Хольский и Тандынский кожуны. Если в конце 1950 г. было 17 лам, то в 1951 г. их стало уже 44 [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 27–28].

Глава ЦДУБ Бандидо Хамбо-лама Дармаев усиленно добивался регистрации буддийской общины и ее служителей, чтобы она функционировала в Тувинской автономной области на законном основании. Он дважды приезжал с таким предложением в область. Однако его ходатайство в Тувинский облисполком было отклонено [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 4–5]. В декабре 1950 г. в органы советской власти в Туве от него также поступало письмо с просьбой об официальной регистрации единственной в области молитвенной юрты и ее общины, верующие которой настоятельно просили ЦДУБ об этом [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 23]. В 1951 г. буддисты Тувинской автономной области повторно ходатайствовали об открытии молитвенной юрты в местности Кызыл-Чыраа в количестве 131 верующих и 27 лам (количество лам, име-

ющих связь с молитвенной юртой в целом составляло 44 человека), вновь присоединившихся и принятых в общину. Кроме того, от верующих-буддистов начали поступать просьбы о разрешении возвести храм в местности Адар-Тош, который тоже находится недалеко от г. Чадана [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 28–29]. Примечательно, что до строительства храма они просили проводить религиозные действия в простой юрте там же в Адар-Тоше [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 29]. Подача верующими заявления повторялась, поскольку территорию Кызыл-Чыраа, где располагалась молитвенная юрта, тувинские чиновники отвели под строительство Госконюшни. Мотив отказа общине на выделение земли в местности Адар-Тош чиновники сводили к тому, что она не относится к территории Госфонда. Решение буддийского духовенства перенести молитвенную юрту в местность Бора-Хол тоже не удалось воплотить в реальность, поскольку данная территория оказалась колхозной и вместо него им было предложено перенести хурээ на окраину г. Чадана [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 33]. В 1951 г. Совет по делам религиозных культов при СМ СССР своему уполномоченному по Тувинской автономной области Г. Михайлову писал, что в ближайшее время намечается рассмотрение вопроса о возможности регистрации одной буддийской религиозной общины, но вновь спрашивал мнение руководящих областных организаций об этом [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 43].

В 1953 г. уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Тувинской автономной области Б. Тагба подчеркивал, что при существенной материальной поддержке СССР завершается коллективизация единоличных хозяйств на 91,3 %. В связи с занятостью трудового населения в колхозах формально отмечалось значительное сокращение количества верующих и уменьшение влияния буддизма как доминирующей религии в регионе. В пример чиновник приводил следующие цифры: в 1952 г. было 27 лам в молитвенной юрте и 89 верующих, в 1953 г. — 20 лам и 50 последователей буддизма. Эти показатели, по его мнению, свидетельствовали о том, что часть верующих и лам покидала молитвенную юрту и начинала трудовую деятельность [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 14–15].

15 марта 1953 г. заместитель Дид Хамбо-ламы Чамдылай Тюлюш в связи с отказами в регистрации буддийской общины из-за отсутствия культового здания обращался с просьбой об отпуске лесоматериала. Однако в просьбе было отказано ввиду отсутствия свободных лесосечных фондов деловой древесины [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 8].

В 1953 г. Совет по делам религиозных культов при СМ СССР запрашивал мнение руководящих областных организаций о целесообразности регистрации буддийского общества в области, отмечая его давность существования. При этом региональным органам власти рекомендовалось не применять административных мер в отношении верующих и буддийского духовенства, чтобы не вызывать неприятие к советской власти [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 9]. Кроме этого, указанный орган власти в этом же документе давал указание продолжить детальное изучение состояния религиозности в населенных пунктах, при том в сравнительном аспекте. Результаты исследования необходимо было, предварительно сопоставив с данными о проведенных в этих местах культурно-просветительских мероприятий, сообщить в областной комитет партии и исполком для усиления в них атеистической работы. Подробному изучению подлежали буддийские и другие религиозные направления [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 9].

Важно обратить внимание на то, что в период усиления контроля со стороны органов власти за религиозными объединениями в стране и области свою деятельность активизировали евангельские христиане-баптисты г. Кызыла. В 1950–1952 гг. они во главе с пресвитером Аксентием Ткаченко в письменной и устной форме неоднократно требовали открытия молитвенного дома, но облисполком их просьбу не удовлетворял. Арендованные ими помещения объявляли не соответствующими специальным требованиям. Община продолжила изыскивать новое помещение и высказывать намерение местным властям о постройке специального молитвенного дома в городе. Активная часть верующих собиралась группами в частных квартирах для чтения богослужебных книг и совершения религиозных обрядов. В надежде на получение поддержки со стороны чиновников они в своем коллектив-

ном ходатайстве заявляли о своей пользе в деле патриотического воспитания, направленного на воспитание любви к Отечеству у верующих, а также о материальной поддержке социально незащищенной категории населения (сирот, престарелых и нетрудоспособных). В общине баптистов количество верующих в 1950 г. насчитывалось 39 человек, в 1951 г. — 34, в 1952 г. — 30, в 1953 г. — 27. Этими цифрами уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР показывал снижение числа евангельских христиан-баптистов в Туве [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 15, 24, 39, 40; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 5, 15].

В 1949 г. старообрядческая община пос. Медведевки устно обращалась в Каа-Хемский райисполком, чтобы последний оказал содействие местным органам власти в направлении к ним старообрядческого священника. Уполномоченный по Тувинской автономной области отмечал, что за последнее время количество старообрядческих верующих белокрыницкого согласия значительно уменьшилось и их насчитывалось всего около 30 человек [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 23–24]. В 1951 г. число членов общины возросло до 69 человек [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 4], и они снова безуспешно попытались обратиться в Тувинский облисполком с просьбой разрешить им открыть молитвенный дом [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 35]. Старообрядческое объединение без регистрации продолжило свою деятельность: усилиями ее членов проводились службы и исполнялись религиозные обряды в молитвенном доме. В обычные дни, не считая праздничные, в общине собиралось 15–20 человек [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 35]. В 1952 г. количество верующих достигало 75 человек, а в 1953 г. — 175. Старообрядцев-беспоповцев в 1952 г. было 170 человек, а в 1953 г. — уже около 279. Увеличение числа верующих происходило в основном за счет приезжающих из других областей и краев. Так, выходцы-старообрядцы из Алтайского, Красноярского краев и Новосибирской, Кемеровской областей при беседе давали следующий ответ: «там где жили, место занято под лесхоз, поэтому и приехали в свободные места для моления» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 14].

В 1950 г. на территории Каа-Хемского кожуна Тувинской автономной области, на расстоянии 70 км от областного центра до райцентра на востоке, и от райцентра дальше 30–130 км по разным таежным местам, по официальным данным, проживали старообрядцы в количестве 130 дворов. Согласно данным уполномоченного, за последние два года во вновь организованные сельхозартели из них вступило 55 хозяйств, а жители остальных дворов продолжали жить в тайге [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 18]. В 1952 г. в отчетах уполномоченного уже отмечалось, что деятельность этих старообрядцев и «беспоповцев» в значительной части изменилась, в связи с проводимой со стороны партийных, советских и комсомольских органов политико-воспитательной работы среди населения. Критерием успешности действий местного руководства в отношении старообрядцев выступало количество их вовлеченности в колхозное дело, в жизнь области и страны в целом. Из числа старообрядцев по данным 1952 г. вступили в колхозы более 250, а в 1953 г. — более 450. По официальным данным за 1953 г. свыше 590 детей и молодых людей из семей старообрядцев находились в рядах советской армии и школах [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 5, 7, 13–14].

В 1952 г. уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Тувинской автономной области Б. Тагба отмечал, что религиозные направления, не считая Русской православной церкви, все еще существовали без официальной регистрации, но продолжали свою деятельность среди населения [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 6]. В этой связи он в своем отчете в Совет и в планах на 1953 г. указывал на необходимость решения вопроса об официальной регистрации или роспуске незаконно существующих религиозных общин буддистов, старообрядцев и евангельских христиан-баптистов [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 6]. В 1953 г. Б. Тагба подал аналогичную просьбу решить вопрос о дальнейших действиях в отношении перечисляемых выше религиозных общин [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 8]. При этом он отмечал, что наряду с успехами «в деле подъема хозяйства, культуры и материального благосостояния населения» в области «возросла сознательность масс, в результате

чего часть верующего населения перестает верить в религиозный дурман» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 8].

Позиция Совета по делам религиозных культов при СМ СССР в отношении протестантов и старообрядцев Тувинской автономной области сводилась не только к изучению и фиксированию их религиозной активности, но и к принятию мер по прекращению организованной деятельности. Совет без какой-либо поддержки давал лишь рекомендации своему уполномоченному разработать подробный план мероприятий по их ликвидации, согласованный с местным облисполкомом и обкомом партии [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 43].

5. Заключение

В СССР в период с 1949 г. по 1953 г. происходит определенный отход от относительно лояльных принципов государственно-конфессиональной политики, сформировавшихся в стране с 1943 г. и в первые годы после окончания Великой Отечественной войны. В результате наметилась тенденция к еще большему усилению ограничительных мер со стороны государственных органов ко всем религиозным общинам, в том числе и к православным.

Православные общины на начальном этапе распространения советской системы государственно-конфессиональных отношений в Туве в связи с отсутствием ответственного уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР были под наблюдением у уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР. Тувинский облисполком не препятствовал развитию на ее территории православия на первых порах, но затем в связи с утратой актуальности использования конфессий на международном уровне в послевоенные годы и «охлаждения» внешнеполитических отношений, наметилась тенденция свертывания временной «благоприятной» для религиозных общин конфессиональной политики и ее ужесточения, в том числе и для православных. С конца 1940-х гг. православным общинам Тувы, как и всем религиозным объединениям, пришлось находиться под жестким контролем с принятием по отношению к ним ограничительных мер, касающихся их деятельности. Например, в регионе, во-первых, православным духовным лицам запретили прежние относитель-

но свободные перемещения по его районам. Во-вторых, инициатива православной группы из с. Бай-Хаак Тандынского района, как, впрочем, и в других населенных пунктах субъектов страны, открыть молитвенный дом, не была поддержана.

К общим чертам в регионе, только вступившем в состав СССР, можно отнести становление системы государственного контроля за религиозными процессами в Туве, а также начало изучения конфессиональной ситуации в регионе в целом после периода антирелигиозной политики и репрессий в Тувинской Народной Республике. Но эта система в области отличалась тем, что в течение достаточно длительного периода не был назначен уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви СНК (СМ) СССР, функции которого по мере возможности выполнялись уполномоченным Советом по делам религиозных культов СНК (СМ) СССР.

Спецификой осуществления послевоенной государственно-конфессиональной политики СССР в Тувинской автономной области являлось то, что на протяжении всего рассматриваемого периода другим религиозным направлениям пришлось существовать в нелегальном положении и вести незаконную деятельность независимо от ее смягчения или ужесточения. Местные органы власти и уполномоченный Совет по делам религиозных культов при СМ СССР в регионе под разными причинами не способствовали их юридическому оформлению. Партийные и государственные деятели края не могли позволить легализацию буддийских общин, поскольку в недавний период их самостоятельного определения религиозной политики в Тувинской Народной Республике, они до основания, не считая уцелевшую часть стен Верхне-Чаданского хурэ, разрушили все буддийские храмы. Тувинские чиновники опасались лам и их возможного влияния на население области.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в связи с усилением ограничительных мер, а именно тяжелого налогообложения, были подорваны прежние масштабы активной деятельности буддийской общины. В принципе, при дозволении местных чиновников при явной поддержке ЦДУБ была возможность законного существования и функционирования буддистов в регионе, поскольку прецедент с

регистрацией буддийской общины в стране имелся. Необходимо отметить, что от Совета по делам религиозных культов при СМ СССР в Тувинскую автономную область по этому вопросу не поступало твердых и однозначных указаний, как в случае с православными, хотя об этом неоднократно ходатайствовал духовный центр буддистов СССР. Тувинские чиновники приостанавливали на начальном (региональном) уровне рассмотрения ходатайств по поводу регистрации буддийской общины и строительства храма, хотя случаи их отправки в Совет по делам религиозных культов при СМ СССР в пер-

вые послевоенные годы были. При этом негативно на ситуацию повлияло и то, что они регулярно выражали свою неодобрительную позицию в Совет. Вместе с тем в области евангельским христианам-баптистам не удалось открыть ранее закрытый их молитвенный дом в г. Кызыле, а старообрядцам белокриницкого согласия аналогично своего молитвенного здания в пос. Медведевке в Каа-Хемском районе. Под жестким контролем также были старообрядческие объединения этого же района, именуемые в документах «беспоповщиной» и «сектой».

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

Sources

State Archive of the Russian Federation

Литература

- Белякова 2019 — *Белякова Н. А.* Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов — продукт и заложник сталинской религиозной политики // Конфессиональная политика советского государства в 1920-1950-е гг.: мат-лы XI Междунар. науч. конф. (г. Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г.). М.: Ельцин Центр, РОССПЭН, 2019. С. 418–429.
- Вайнштейн 2006 — *Вайнштейн С. И.* Загадочная Тува. М.: Известия, 2009. 415 с.
- Гаврилов 2006 — *Гаврилов В.* Новосибирская епархия: история и современность. Новосибирск: Новинвест плюс, 2006. 256 с.
- Горбатов 2008 — *Горбатов А. В.* Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е годы. Томск: Томск. гос. ун-т, 2008. 408 с.
- Гуляев 2020 — *Гуляев В. В.* Начало служения митрополита Варфоломея (Городцова) на Новосибирской и Барнаульской кафедре (1943–1947) // Церковный историк. 2020. № 2(4). С. 196–213.
- Дашковский, Зиберт 2020 — *Дашковский П. К., Зиберт Н. П.* Государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири в конце 1917 – середине 1960-х гг. Барнаул: Алт. ун-т, 2020. 140 с.
- ИТ 2007 — История Тувы / под общ. ред. В. А. Ламина. Т. II. Новосибирск: Наука, 2007. 430 с.
- ИТ 2016 — История Тувы / под общ. ред. Н. М. Моллерова. Т. III. Новосибирск: Наука, 2016. 455 с.

- Кенин-Лопсан 1993 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Магия тувинских шаманов. Кызыл: Новости Тувы, 1993. 160 с.
- Кенин-Лопсан 2009 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Тувинские шаманы. М.: ИПЦ-Маска, 2009. 328 с.
- Колесов — *Колесов А.* Православная церковь в период Великой Отечественной войны // Православие и мир [электронный ресурс]. URL: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/295> (дата обращения: 16.02.2023).
- Конституция СССР 1936 — Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) [электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 05.02.2023).
- Моллеров 2019 — *Моллеров Н. М.* Общины евангельских христиан-баптистов в Тувинской Народной Республике (1926–1932 гг.) // Новые исследования Тувы. 2019. № 1. С. 16–28. DOI: 10.25178/nit.2019.1.2
- Монгуш 2001 — *Монгуш М. В.* История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.). Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.
- Монгуш 2012 — *Монгуш М. В.* Деятельность нетрадиционных конфессий в Туве: 1990–2010 гг. // Новые исследования Тувы. 2012. № 1. С. 58–70.
- Монгуш 2015 — *Монгуш М. В.* Христианские

- общины Тувы: краткий очерк // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2015. № 8. С. 159–175.
- Монгуш 2021 — *Монгуш А. В.* Православие в Республике Тыва на современном этапе // Народы и религии Евразии. 2021. № 26(1). С. 140–159.
- Опей-оол 2007 — *Опей-оол У. П.* К истории создания и ликвидации буддийской молитвенной юрты в Кызыл-Чыраа (г. Чадаана, Дзун-Хемчикский кожун) с 1946 по 1960 гг. // История и современность Тувы: сб. науч. ст. к 80-летию В. П. Дьяконовой / сост. А.О. Дыртык-оол. Кызыл: Тываполиграф, 2007. С. 69–80.
- Раджабов 2019 — *Раджабов К. К.* Образование САДУМ и конфессиональная политика советского государства в Узбекистане (1943–1960 гг.) // Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е гг.: мат-лы XI Междунар. науч. конф. (г. Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г.). М.: Ельцин Центр, РОССПЭН, 2019. С. 356–363.
- Синицын 2012 — *Синицын Ф. Л.* Советское государство и христианские конфессии в 1944–1945 гг. // Мир и политика [электронный ресурс]. 2012. № 5(68). URL: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/5-2012/14623-sovetskoe-gosudarstvo-i-hristianskie-konfessii-v-1944-1945-gg.html> (дата обращения: 16.02.2023).
- Синицын 2013 — *Синицын Ф. Л.* Советское государство и буддисты // Российская история. 2013. № 1. С. 62–76.
- Синицын 2017 — *Синицын Ф. Л.* Советское государство и Русская православная церковь в 1944–1945 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: мат-лы XVI Междунар. науч. конф. (г. Иваново, 5–6 апреля 2017 г.). В 2 ч. Ч. 1. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2017. С. 226–230.
- Сосковец 2003 — *Сосковец Л. И.* Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е гг. XX в. Томск: Томск. гос. ун-т, 2003. 348 с.
- Стороженко 2004 — *Стороженко А. А.* Старообрядчество Тувы во второй половине XIX — первой четверти XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кызыл, 2004. 23 с.
- Татаринцева 2006 — *Татаринцева М. П.* Старообрядцы в Туве: историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 2006. 216 с.
- Татаринцева 2016 — *Татаринцева М. П.* Старообрядцы в Туве в начале XX века и в период Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. 2016. № 3. С. 82–90.
- Татаринцева, Моллеров 2016 — *Татаринцева М. П., Моллеров Н. М.* Русские в Туве (конец XIX — первая половина XX в.): История. Этнография. Культура. Новосибирск: Наука, 2016. 296 с.
- Татаринцева, Стороженко 2015 — *Татаринцева М. П., Стороженко А. А.* Старообрядцы Тувы: ретроспектива и современность. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. 144 с.
- Терентьев 2014 — *Терентьев А. А.* Буддизм в России — царской и советской (старые фотографии). СПб.: Музей ГУЛАГа: изд-е А. Терентьева, 2014. 484 с.
- Ондар 2017 — *Ондар Т. А.* Тувинский шаманизм: социально-психологические функции. Кызыл: ТувГУ, 2017. 168 с.
- Одинцов, Кочетова 2014 — *Одинцов М. И., Кочетова А. С.* Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М.: РОССПЭН, 2014. 317 с.
- Одинцов, Чумаченко 2013 — *Одинцов М. И., Чумаченко Т. А.* Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния 1943–1965 гг. СПб.: Российское объединение исследователей религии, 2013. 354 с.
- Харунова 2011 — *Харунова М. М.-Б.* Социально-политическое развитие Тувы в середине XX века. Новосибирск: Наука, 2011. 139 с.
- Хомушку 1988 — *Хомушку О. М.* Особенности государственно-церковных отношений в Туве (1944–1990 гг.) // Круг знания: научно-информационный сборник. 1988. № 1. С. 24–28.
- Шкаровский 2009 — *Шкаровский М. В.* Сталинская религиозная политика и Русская православная церковь в 1943–1953 гг. // ACTA SLAVICA IAPONICA. 2009. Т. 27. С. 1–27.

References

- 1936 Constitution of the Soviet Union (Enacted by the Extraordinary Eighth All-Union Congress of Soviets on 5 December 1936). On: Constitution of Russia (GARANT Legal Information System). Available at: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (accessed: 5 February 2023). (In Russ.)
- Beliakova N. A. All-Union Council of Evangelical Baptist Christians as product and hostage of Stalin's religious policy. In: Soviet Religious Policies, 1920s–1950s. Conference proceedings. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2019. Pp. 418–429. (In Russ.)
- Dashkovskiy P. K., Zibert N. P. Official Religious Policy in the South of Western Siberia: Late 1917 to the Mid-1960s. Barnaul: Altai State University, 2020. 140 p. (In Russ.)
- Dementyev V. The Becoming of Russian Orthodox Church in Tuva. Kyzyl, 2011. 12 p. (In Russ.)
- Gavrilov V. Russian Orthodox Diocese of Novosibirsk: Past and Present. Novosibirsk: Novinvest Plyus, 2006. 256 p. (In Russ.)
- Gorbatov A. V. Government and Religious Organizations of Siberia, 1940s–1960s. Tomsk: Tomsk State University, 2008. 408 p. (In Russ.)
- Gulyaev V. V. The beginning of the ministry of Metropolitan Bartholomew (Gorodtsov) at the See of Novosibirsk and Barnaul (1943–1947). *Church Historian*. 2020. No. 2(4). Pp. 196–213. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan M. B. The Magic of Tuvan Shamans. Kyzyl: Novosti Tuvy, 1993. 160 p. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan M. B. Tuvan Shamans. Moscow: IPTs-Maska, 2009. 328 p. (In Russ.)
- Kharunova M. M.-B. Sociopolitical Development of Tuva in the Mid-Twentieth Century. Novosibirsk: Nauka, 2011. 139 p. (In Russ.)
- Khomushku O. M. Distinctions of government-church relations in Tuva, 1944–1990s. *Krug znaniya: Nauchno-informatsionnyy sbornik*. 1988. No. 1. Pp. 24–28. (In Russ.)
- Kolesov A. Russian Orthodox Church during Great Patriotic War. On: Orthodox Christianity and the World. Online Library. Available at: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/295> (accessed: 16 February 2023). (In Russ.)
- Lamina V. A. (ed.) History of Tuva. Novosibirsk: Nauka, 2007. Vol. 2. 430 p. (In Russ.)
- Mollerov N. M. (ed.) History of Tuva. Novosibirsk: Nauka, 2016. Vol. 3. 455 p. (In Russ.)
- Mollerov N. M. Evangelical Christian (Baptist) communities in the People's Republic of Tuva (1926–1932). *The New Research of Tuva*. 2019. No. 1. Pp. 16–28. (In Russ.)
- Mongush A. V. Orthodoxy in the Republic of Tuva at the present stage. *Nations and Religions of Eurasia*. 2021. No. 1(26). Pp. 140–159. (In Russ.)
- Mongush M. V. Activities of non-traditional religions in Tuva: 1990s–2010s. *The New Research of Tuva*. 2012. No. 1. Pp. 58–70. (In Russ.)
- Mongush M. V. Christian communities of Tuva: Short sketch. *Nations and Religions of Eurasia*. 2015. No. 8. Pp. 159–175. (In Russ.)
- Mongush M. V. History of Buddhism in Tuva: Mid-Sixth to Late Twentieth Centuries. Novosibirsk: Nauka, 2001. 200 p. (In Russ.)
- Odintsov M. I., Chumachenko T. A. Council for Russian Orthodox Church Affairs and Patriarchy of Moscow, 1943–1965: The Era of Cooperation and Opposition. St. Petersburg: Russian Association for Religious Research, 2013. 354 p. (In Russ.)
- Odintsov M. I., Kochetova A. S. Soviet Religious Policy during the Great Patriotic War of 1941–1945. Moscow: ROSSPEN, 2014. 317 p. (In Russ.)
- Ondar T. A. Tuvan Shamanism: Social and Psychological Functions. Kyzyl: Tuvan State University, 2017. 168 p. (In Russ.)
- Opey-ool U. P. More on how a Buddhist prayer yurt was created and demolished in Kyzyl-Chyraa (Chadan, Dzun-Khemchiksky District) between 1946 and 1960. In: Dyrtyk-ool A. O. (comp.) The Past and Present of Tuva: In Honor of the 80th Birthday of V. Dyakonova. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2007. Pp. 69–80. (In Russ.)
- Radzhabov K. K. The establishment of SADUM and official Soviet religious policies in Uzbekistan, 1943–1960s. In: Soviet Religious Policies, 1920s–1950s. Conference proceedings. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2019. Pp. 356–363. (In Russ.)
- Shkarovsky M. V. Stalin's religious policy and Russian Orthodox Church in 1943–1953. *Acta Slavica Iaponica*. 2009. Vol. 27. Pp. 1–27. (In Russ.)
- Sinitsyn F. L. Soviet government and Christian denominations in 1944–1945. *Mir i politika*. 2012. No. 5(68). On: INTELROS – Intellectual Russia. Available at: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/5-2012/14623-sovetskoe-gosudarstvo-i-hristianskie-konfessii-v-1944-1945-gg.html> (accessed: 16 February 2023). (In Russ.)
- Sinitsyn F. L. Soviet government and Russian Orthodox Church in 1944–1945. In: Government,

- Society, Church in Russian History, Twentieth and Twenty First Centuries. Conference proceedings. In 2 pts. 2017. Pp. 226–230. (In Russ.)
- Sinitsyn F. L. Soviet state and the Buddhists (1917–1946). *Russian History*. 2013. No. 1. Pp. 62–76. (In Russ.)
- Soskovets L. I. Religious Denominations of Western Siberia, 1940s–1960s. Tomsk: Tomsk State University, 2003. 348 p. (In Russ.)
- Storozhenko A. A. Old Believers of Tuva: 1850s–1920s. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Kyzyl, 2004. 23 p. (In Russ.)
- Tatarintseva M. P. Old Believers in Tuva at the beginning of the 20th century and under People's Republic of Tuva. *The New Research of Tuva*. 2016. No. 3. Pp. 82–90. (In Russ.)
- Tatarintseva M. P. Old Believers in Tuva: An Essay in History and Ethnography. Novosibirsk: Nauka, 2006. 216 p. (In Russ.)
- Tatarintseva M. P., Mollerov N. M. Russians in Tuva, Late Nineteenth to Mid-Twentieth Centuries: History, Ethnography, Culture. Novosibirsk: Nauka, 2016. 296 p. (In Russ.)
- Tatarintseva M. P., Storozhenko A. A. Old Believers of Tuva: Perspectives from the Past and Present. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2015. 144 p. (In Russ.)
- Terentyev A. A. Buddhism in Russia — Tsarist and Soviet (Old Photographs). St. Petersburg: A. Terentyev, 2014. 484 p. (In Russ. and Eng.)
- Vainshtein S. I. The Mysterious Tuva. Moscow: Izvestiya, 2009. 415 p. (In Russ.)

